

© 1996 г. Г.А. КЛИМОВ

ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ВНЕШНЕЙ ИСТОРИИ МАЛОГО ЯЗЫКА (СВАНСКИЕ ДАННЫЕ)

Среди разбросанных по разным континентам лингвистических "лабораторий", создающих возможность наблюдения за историческими судьбами малых языков, не без оснований называют Кавказ. Особый интерес в этом отношении к автохтонным языкам региона вызван уже тем, что некоторые из них достаточно рано попадают в сферу внимания европейской традиции. Один из картвельских языков – сванский – едва ли не единственный в мире, внешнюю историю которого удастся в какой-то мере контролировать на протяжении почти двух тысячелетий. Последнее обстоятельство обязано, впрочем, не только наличию соответствующей информации в различных исторических источниках (сначала – в античных, затем – в византийских, грузинских и некоторых иных), но и тем данным, которые предоставляют в распоряжение лингвиста топонимика Западной Грузии, отдельные факты самого сванского языка, и, наконец, соображения экстралингвистического плана.

Документированная история застает ареал распространения этого языка в северозападной части Закавказья на безусловно более широкой территории, чем занимаемая им в настоящее время. Если оставить в стороне иногда встречающееся в кавказоведческой традиции отождествление генихов (греч. *Γενίχοι*) античных источников со сванами, то в той или иной степени согласующиеся их сведения о соанах, суанах и суаноколхах, по-видимому, заслуживают определенного доверия. Так, уже на рубеже старой и новой эры Страбон упоминает соанов (*Σοάννοι*) как племя, жившее на Западном Кавказе "выше" колхов, давших свое имя Колхиде и надежно идентифицируемых в качестве картвельских племен занской ветви, и, в частности, как господствовавшее над Диоскурией, т.е. современным Сухуми. Существенно заметить, что и в ту эпоху это был, по-видимому, малый язык, поскольку его носители упоминаются у Страбона при перечислении целого ряда других мелких народов региона [Латышев 1947: 214, 217] (вместе с тем его информация о том, что во главе сванов был совет, состоявший из трехсот мужей, по всей вероятности, недостоверна, поскольку и в более позднее время сванское общество характеризовалось родовым строем).

Важный ориентир для локализации этого языка находим у Плиния (23–79 гг. н.э.), отмечавшего, что через область сванов протекает река Хоб [Латышев 1949: 290], за названием которой скрывается, как обычно полагают, один из притоков Риона – Ингур, в верховьях которого сваны живут и в настоящее время. Соответствующий ареал еще более расширится за счет включения в него, по крайней мере, части нынешней горной Мегрелии, если принять, что река Хоб является современной Хоби – другим притоком Риона.

Следующее по времени указание на этот счет содержится у Клавдия Птолемея (ок. 90–168 гг. н.э.), называющего среди племен, населявших черноморское побережье Закавказья, сваноколхов [Латышев 1948: 249]. Учитывая, что под аналогичным образом построенным этнонимом античной традиции *кельтиберы* подразумеваются, как это установлено, кельты, обитавшие в европейской Иберии, т.е. на Пиренейском полуострове, этноним *Σοαννοκόλχοι* должен был обозначать сванов, населявших

Колхиду, а отнюдь не продукт некоторого смешения сванов и колхов, как он интерпретировался в свое время Н.Я. Марром в духе его известной концепции.

Среди сообщений византийских авторов весьма интересным является в этой связи упоминание о том, что на границе между сванским племенем мисимианов (в последнем этнониме существующая историографическая традиция не без основания усматривает греческую передачу самоназвания сванов *mišwän*) и апсилами, т.е. абхазами, находилась крепость *Tiβέλος*, т.е. современная Цебельда, что как будто указывает на расселение сванских племен в ту эпоху недалеке от морского побережья или, возможно, даже на самом побережье (ср. [Меликишвили 1959: 92]).

Нетрудно привести и некоторые иные аргументы, говорящие о более широком ареале бытования сванской речи в прошлом. В частности, здесь прежде всего необходимо упомянуть данные топонимии не только соседних с Сванетией горных районов Западного Закавказья, но и предгорных. Так, древнегрузинское обозначение Сухуми – *Схум-и*, зафиксированное в литературных памятниках, начиная с VIII века н.э., восходит, как это впервые заметил М. Калдани, к сванскому *схит* 'граб' (ср. [Меликишвили 1965: 64–65]) (современная форма этого топонима представляет собой позднейшую турецкую переработку былого картвельского обозначения). Название крупного села *Babušer-i* 'Бабушери', расположенного южнее Сухуми близ черноморского побережья, является, по всей вероятности, сванским топонимом, стоящим в едином ряду с несколькими другими подобными названиями сванских селений, характеризующимися исходом на топоформант *-š-er* [Ониани 1989: 304–305]. Еще один подобный топоним *γιμουριši* 'Гумуриши', засвидетельствованный на крайнем юге Абхазии, содержит в своей основе сван. *γιμουг-* 'ель, пихта', оформленное другим топоформантом *-š* [Климов 1986: 182; Ониани 1989: 308], и интересен тем, что он упоминается в произведении сванского фольклора (ср. [Топуриа (ред.) 1939: 17]). В этом контексте следует подчеркнуть, однако, что компактный сваноязычный анклав, образующий так называемую абхазскую Сванетию, недавнего происхождения, поскольку он обязан переселению в кодорское ущелье части носителей верхнеабхазского и нижнеабхазского диалектов этого языка, имевшему место на рубеже XIX и XX столетий [Калдани 1970: 82–82].

Еще более отчетливым образом субстратная сванская топонимия засвидетельствована в других соседствующих с Сванетией областях Западного Кавказа. Прежде всего она отмечена в таких исторических землях Западной Грузии, как Лечхуми и Рача. Так, на территории Лечхуми зафиксирован целый ряд названий селений со сванскими топоформантами *-er* и *-(i)š*: ср. *Kinišeri*, *Cageri*, *Cxukušeri* и др., с одной стороны, и *Zexwiši*, *γwiriši*, *Twiši* и др., с другой [Калдани 1959; 1963]. В Верхней Раче сохранились такие характерные сванские топонимы, как *γebi* и *Boqwa* [Ониани 1989: 304–305]. Ощутимы следы сванского субстрата и в топонимии восточной полосы горной Мегрелии, прилегающей к Сванетии и Лечхуми [Цхадаиа 1985: 68–72]. В частности, еще А. Цагарели и М. Джанашвили заметили, что мегрельские микропонимы, образованные от фамильных имен посредством нехарактерных для мегрельского языка префиксов *le-* и *la-* (ср. *Ledgebia* при фамилии *Dgebia*), повторяют модель, свойственную сванским топонимам. Нелишне упомянуть и гипотезы, предполагающие сванское происхождение названий трех пунктов, локализующихся значительно южнее территории, непосредственно соседствующей с современной Сванетией. Так, К. Ломтатидзе высказывает мнение, согласно которому в основе названия исторического центра Мегрелии Зугдиди лежит сван. *zugw* 'холм' [Ломтатидзе 1984: 20–23]. Известный грузинский историк Г. Меликишвили приводит аргументы в пользу того, что *Φασίς* (ген. *Φασίδος*, дат. *Φασίδι*) – древнегреческое обозначение Риона и основанной в VIII в. до н.э. в его устье милетской колонии – отражает в своей основе сван. **Pašd-*, закономерно отвечающее современному мегрело-лазскому обозначению расположенного примерно на месте последней порта *Poti* 'Поти' [Меликишвили 1965: 59–62]. Наконец, С. Джанашиа принадлежит догадка, согласно которой сванским по

происхождению может являться и гурийский топоним *Lančxuti* к югу от Риона [Джанашиа 1959: 146].

Другое лингвистическое указание в пользу происшедших в прошлом изменений в ареальной конфигурации сваноязычной территории содержит некоторое число сепаратных сванско-грузинских лексических общностей, охватывающих в своей грузинской части лишь крайние западные диалекты – аджарский и гурийский, географически удаленные ныне от Сванетии. Особенно показательными представляются в этом отношении отдельные общности, образованные старыми заимствованиями из греческого: ср. сван. *karāxs* 'рог (питьевой)' ~ гур. *karaxsi* 'рог для хранения мыла и дегтя', сван. *hasfam* 'скребок для соскабливания теста со стенок сосуда' ~ адж. *hasjami* 'род совка'. Упоминанием в этой связи и изолированно стоящее в картвельской языковой области сван. *pamlə* 'домашний раб', возводившееся К.Д. Дондуа к лат. *famulus* 'прислужник'.

Отметим, наконец, два экстралингвистических соображения, говорящие в пользу несколько более продвинутого на запад или юго-запад ареала сванской речи в прошлом. С одной стороны, это то, что в сванских сказках действие нередко происходит на морском побережье, а среди их персонажей встречаем чайку и "морскую свинью", т.е. дельфина. С другой стороны, в палеоантропологии Кавказа своеобразный тип абхазов среди остальных носителей абхазско-адыгских языков обычно объясняют их близостью к западногрузинскому антропологическому типу, что приводит некоторых исследователей к мысли, что процесс этногенеза абхазов можно рассматривать как переход какой-то группы западных картвелов на абхазо-адыгскую речь [Алексеев 1974: 193–194].

Наряду с всеобщим признанием в картвелистике следов сванского субстрата за пределами современной Сванетии (ср. высказывания С.Н. Джанашиа, В.Т. Топуриа, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани и др.) необходимо упомянуть некоторые формулировки Н.Я. Марра, усматривавшего в грузинском языке и, в частности, уже в тексте древнегрузинского перевода Библии значительное число сванизмов. Исходя из своего впечатления, он считал возможным утверждать, что "имеется много косвенных и прямых указаний на то, что на юге между тубал-каинами (т.е. занскими племенами – Г.К.) на западе и картами (т.е. грузинами – Г.К.) на востоке... первоначально обитали племена, говорившие на сванском языке, и что даже в период входов христианства среди яфетических народов Сомехии (т.е. Армении – Г.К.) местная речь была сванская или насыщена сванизмами" [Марр 1913: 23]. Между тем, едва ли не полное отсутствие в его распоряжении сколько-нибудь доказательного фактического материала плохо согласовалось с этой более чем смелой гипотезой.

Если сопоставить данные исторической традиции с другими свидетельствами, то напрашивается вывод о том, что на протяжении веков ареал распространения сванского языка постепенно сокращался, пока не достиг своих современных очертаний. Этот процесс прежде всего увязывается с историческими судьбами всей западной части Закавказья, отражавшими медленную, но неуклонную концентрацию здесь общественной жизни. Его истоки, однако, трудно усматривать в акте принятия Грузией в IV в. н.э. христианства, выдвинувшем в качестве языка религии грузинский, и, тем более, в эпизодической зависимости Сванетии от Лазского царства на протяжении IV–V столетий. Первые сколько-нибудь ощутимые результаты этого процесса относятся скорее к VI веку: если этноним *eger-suan-k*, встречающийся у Фауста Византийского, просто привязывает сванов к течению Ингура, то Прокопий Кесарийский помещает сванов уже в глубине Западной Грузии, что подчеркивается их упоминанием вместе с соседней с ними областью *Skvimia* // *Skumnia*, в названии которой принято усматривать обозначение исторической земли Лечхуми. К VIII веку, т.е. ко времени уже возникшего Абхазского царства, относится одно важное указание грузинской летописной традиции. Так, Леонти Мровели, описывая события от начала грузинской государственности, определяет Сванетию как горную страну, которая про-

стирается от Эгриси (т.е. Мегрелии) на Западе до Дидоэти (т.е. до истоков Терека и Арагвы) на востоке [Картлис цховреба 1955: 27]. Если полагаться на это свидетельство, не доверять которому едва ли имеются основания, то в современную Леонти Мровели эпоху сванов уже нет в пределах Абхазии, но они занимают еще часть территории Закавказья к востоку от мест их расселения в настоящее время.

Несмотря на постоянно заявлявшую о себе тенденцию сванетских эриставов к сепаратизму процесс сокращения сваноязычного ареала должен был получить очередной стимул в период XII–XIII вв., характеризовавшийся расцветом грузинского государства, а также включением южной части Сванетии в состав владений князей Дадияни (хотя наиболее ранние эпиграфические памятники области относятся еще к X-му столетию, о степени вовлеченности области в общественную жизнь Грузии можно судить начиная с XIII века, когда к ним присоединяются и семейно-фамильные поминальные тексты, содержащие порой довольно разнообразную информацию [Ингороква 1941; Силагадзе 1988]).

Судя по некоторым документальным свидетельствам, современные границы распространения сванского языка в Закавказье существовали во всяком случае в первой половине XVII столетия, хотя они могли сложиться и значительно ранее. Так, итальянский миссионер той эпохи Ламберти, долго живший в Мегрелии, локализует места обитания его носителей в горах, возвышающихся к северу от Имеретии и Мегрелии [Ламберти 1913: 187]. Примерно одним столетием позже грузинский географ Вахушти со всей определенностью проводит границы Сванетии к северу от грузинских земель Рача и Лечхуми и к востоку от Мегрелии [Вахушти 1941: 172].

Охарактеризованную здесь общую тенденцию по существу не могли нарушить и известные эпизодические миграции различных сваноязычных групп за пределы исторической Сванетии. Наиболее значительная из них, судя по исследованию Л.И. Лаврова, имела место в промежутке между XIV и XVII веками, когда сванами были освоены верховья Кубани и Баксанское ущелье в пределах современной Кабардино-Балкарии [Лавров 1950: 81–82]. Однако И. Гюльденштедт, путешествовавший по Кавказу в 1773 году и дающий подробное описание горских племен Северного Кавказа, сванов не упоминает (о другом значительно более позднем выселении мелких групп на территорию Абхазии говорилось выше). Нетрудно заметить, что в обоих случаях миграции оказывались следствием появления свободных земель, нужда в которых неизменно ощущалась в Сванетии (в первом случае такие земли возникли после разгрома севернокавказских алан в результате монгольского нашествия, во втором – после выселения части абхазов и адыгов в Турцию по завершении Кавказской войны).

Наряду с общей тенденцией к сокращению ареала распространения сванского языка естественно предположить и уменьшение числа его носителей. Даже в условиях отсутствия каких-либо данных, характеризующих динамику изменения числа говорящих в сколько-нибудь отдаленном прошлом, степень достоверности такого предположения не должна впадать в серьезные сомнения, если учесть, что особенно негативно в этом отношении должна была сказаться достаточно ранняя утрата сванами наиболее плодородных предгорных территорий, занятых ныне другими языками. Поэтому цифра в 15 000 сванов, сообщаемая статистическими данными 1886 года, была, по-видимому, близка к критической. Лишь с начала последующего более чем векового периода с образованием вторичного сванского анклава в Абхазии эта цифра стала характеризоваться тенденцией к постепенному возрастанию. Так, если в начале XX-го века число говорящих составляло 23 000 чел. [Март 1913: 34], то в 60-х годах оно достигало, согласно оценке В.Т. Топуриа, 34 550 чел. [Топуриа 1967: 77], а в 80-х годах, как свидетельствует, ссылаясь на неофициальные данные А.Л. Ониани, возросло до 80 000.

Устойчивость границ современного сваноязычного ареала во многом обусловлена его естественными географическими рубежами – горным ландшафтом этой части Большого Кавказа. На севере такую границу образует Главный Кавказский хребет с вершинами, достигающими 4 000–5 000 м. над уровнем моря. На юге это два

параллельных кряжа – Сванский хребет, обособляющий всю Верхнюю Сванетию (т.е. нижнебалский и верхнебалский диалекты) от Нижней или так называемой Дадриановской, а также Эгрисский и Лечхумский хребты, отделяющие Нижнюю Сванетию (т.е. лашхский и лентехский диалекты) от Мегрелии и Лечхуми. На крайнем востоке этот ареал отделен от земли Рача горой Читхар. Согласно колоритному описанию конца прошлого столетия, принадлежащему русскому чиновнику В.Я. Тепцову, "обе Сванетии со всех сторон окаймляются горами малопродоходными, а иногда и вовсе недоступными – одни по причине снега и значительной высоты, другие по причине шиферных скал, дремучего девственного леса и глубоких скалистых теснин, в которых пеняются бурные потоки" [Тепцов 1890: 3]. Из сказанного должно быть очевидным также, что прежде всего природными границами обособлены друг от друга и сванские диалекты, процессы взаимного контактирования которых и в настоящее время ощутимы лишь в минимальной степени.

Однако помимо географического фактора стабильности языковой границы здесь необходимо отметить и благоприятствовавшие такому положению вещей факторы социального порядка. Одним из них являлись долго сохранявшиеся в Сванетии элементы общинного уклада жизни (так, еще в конце XIX-го века здесь не было школ и торговых учреждений и единственным родом общественных зданий оставались небольшие церкви). Существенно также, что здесь прочно держался и обычай брать невест из своей среды, в частности, левират.

В этих условиях наиболее благоприятным путем проникновения грузинских и мегрельских заимствований в сванский язык должно было быть издавна практиковавшееся отходничество сванов на сезонные работы в Имеретию и Мегрелию, засвидетельствованное уже А. Ламберти [Ламберти 1913: 187–188], хотя не приходится отрицать и некоторой роли позднейших переселений мелких грузинских групп из Рачи и Лечхуми в обратном направлении.

Имеются, таким образом, основания полагать, что и в обозримом будущем перспективы бытования сванской речи останутся достаточно благоприятными.

Естественно вместе с тем, что обстоятельства внешнелингвистического плана не могли не отразиться на некоторых структурных характеристиках языка. Так, с одной стороны, ограниченность, особенно на протяжении последних нескольких столетий, контактов сванского с его окружением обусловила сравнительно скромные по сравнению с другими картвельскими, следы иноязычного воздействия на него, сказавшиеся почти исключительно в сфере лексики. Более заметны результаты контактов сванского с другими картвельскими языками – грузинским и мегрельским. Кроме того, в его словаре отложились небольшие группы аланских (староосетинских) и хронологически более поздних тюркских (балкарских) заимствований. Что касается пользовавшегося популярностью у части кавказоведов тезиса Н.Я. Марра о "мешанной" природе этого языка, будто бы содержащего как картвельский, так и абхазско-адыгский генетические компоненты, то он оказывается в настоящее время вполне достоянием пройденного этапа развития науки. С другой стороны, маргинальное положение сванского в картвелоязычном ареале способствовало сохранению в нем широкой совокупности архаических черт, изжитых в остальных родственных языках и ценность которых для построения сравнительной грамматики достаточно очевидна. Например, в фонетике здесь бросается в глаза унаследованность некоторых общекартвельских противопоставлений в вокализме, а также более полная сохранность серии фарингальных смычных согласных (с прочной позицией глухого аспирированного *q*). В сфере именной морфологии в этой связи указывают на минимальную степень унификации различных типов склонения, большую формальную близость злятива (сравнительно-превосходной степени имени прилагательного) к исходной для него глагольной словоформе и т.д. В глагольной морфологии сюда относятся сохранение, хотя и в несколько модифицированном виде, общекартвельских аблаутных противопоставлений квантитативного характера, реализуемых в определенных глагольных словоформах, а также оппозицию форм инклюзива и эксклюзива. Примечательно,

наконец, и то, что среди самих верхних диалектов наиболее архаическим характером отличается крайне северный верхнеабхазский диалект, составляющий периферию картвельской языковой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.* 1974 – Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.
- Вахушти* 1941 – Описание царства Грузинского (География Грузии) / Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Джанашиа С.* 1959 – Труды. III. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Ингорюка П.* 1941 – Исторические памятники Сванетии. Вып. 2. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Калдани М.М.* 1959 – К вопросу о суффиксе *-iṣ* (/i-ṣ/) в географической номенклатуре Грузии // XVIII Научная конференция Института языкознания. 30–31 дек. 1959 г. Тезисы. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Калдани М.М.* 1963 – К вопросу о суффиксе *-iṣ* (/i-ṣ/) в лехумской географической номенклатуре // Вопросы структуры картвельских языков. III. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Калдани М.М.* 1970 – Смещение диалектов сванского языка в Кодорском ущельи // Иберийско-кавказское языкознание. XVII. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст. I. Тбилиси, 1955.
- Климов Г.А.* 1986 – Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- Лавров Л.И.* 1950 – Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Краткие сообщения Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Вып. X, 1950.
- Ламберти А.* 1913 – Описани Колхиды (в переводе Л.Ф. Гана с предисловием автора и картой) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 43. Тифлис, 1913.
- Латышев В.В.* 1947 – Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. Вып. 4 (22).
- Латышев В.В.* 1948 – Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. Вып. 2 (24).
- Латышев В.В.* 1949 – Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. Вып. 2 (28).
- Ломтатидзе К.В.* 1984 – билабialsные смычные, восходящие к комплексам в картвельских языках. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Март Н.Я.* 1913 – Из поездок в Сванию. I (летом 1911–1912 гг.) // Христианский Восток. Т. II. Вып. I. СПб., 1913.
- Меликишвили Г.А.* 1959 – К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Меликишвили Г.А.* 1965 – К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Ониани А.Л.* 1989 – Вопросы сравнительной грамматики картвельских языков (именная морфология). Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Силагадзе В.* 1988 – Письменные памятники Сванетии. X–XVIII вв. Т. 2. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Тепцов В.Я.* 1890 – Сванетия (географический очерк) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 10. Тифлис, 1890.
- Топуриа В.Т.* (ред.) 1939 – Сванская поэзия I // Материалы для изучения карвельских языков. II. Тбилиси, 1939 (на сван. и груз. яз.).
- Топуриа В.Т.* 1967 – Сванский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967.
- Цхадани П.А.* 1985 – Топонимия горной Мегрелии (лингвистический анализ). Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).